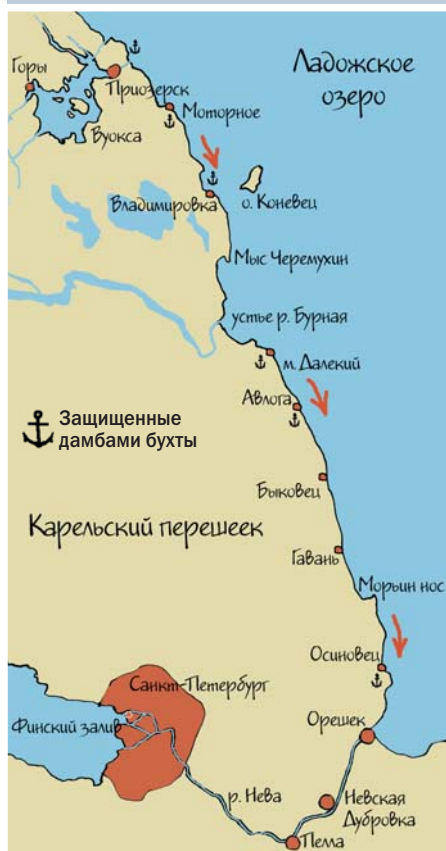

› В. Гретов. Фото автора

Поздние путешественники

Цель нашего путешествия состояла в перегоне гребной лодки «Пелла-Фиорд» из поселка Горы на Вуоксе через Ладогу в Неву и по Неве до самого устья – на стоянку в яхт-клубе «Невка». Проще, конечно, было воспользоваться трейлером, но с трейлером путешествия не получится – сел и поехал. А «путешественник, в отличие от туриста, не знает – вернется он домой или нет»? Это добавляет жизни лишнее измерение.

Вуокса

Лодка несколько лет провела на стоянке у друзей, лежа на берегу, греясь на солнце и промерзая в зиму, но никаких изменений в корпусе не обнаружилось. «Пелла-Фиорд» отформована из стекловолокна, длина – 4.30 м, ширина – 1.40 м. На корме давным-давно я установил руль, в днище, под банкой, врезал швертовый колодец, а в носовую часть вклеил степс. Площадь стакселя и грота – 5 м² – была выбрана минимальной. Вблизи берегов навигационные приборы не требуются. За два десятка лет плаваний в этих местах любой мыс – старый знакомый. Раньше мы ходили от устья Тихой на Кильполу. На острове мачту снимали, и по вечерам

можно было блеснить щук в заводях, сидя в лодке с чашкой крепкого горячего чая. На этот раз путь предстоял на юг, километров за триста, и рассчитывался недели на три.

Мы вышли из Гор воскресным вечером и оказались на Вуоксе. Здесь – множество островов, похожих друг на друга. Туристы выходят из положения, надписывая названия белой краской на камнях. На островах – кострища, стоянки из жердей, обтянутых полиэтиленом, сухостоя и валежника – в избытке. Проблем с костром не возникло ни разу. Надежный ориентир по пути – вздыбившийся остов пассажирского теплохода «Приозерск-Горы», вылетевшего на камни и крещеного местным «Титани-

ком». Корабль стоит, как памятник, год за годом все выше задирая нос и медленно съезжая со скалы в грунт. Раньше здесь проходил фарватер на Приозерк, следы которого читаются по ржавым береговым указателям. Яхт на Вуоксе нет. Есть катамараны, «Казанки», гребные лодки, байдарки и надувнушки.

Спуститься в Ладогу можно по речке Тихой вдоль плоских заросших ольхой и осиной берегов или через Приозерск. Этот путь сложнее, но короче.

Сплав начинается за Парком от дыха – порожистая Вуокса протекает под четырьмя мостами и открывается в Ладогу. Пройти полторы мили перекатов, стремнин, плотно обросших «морским мхом» валунов – трудно. В каждом затончике – две-три «Казанки» с рыбаками. Дно – в сетях. Ловят и с мостов, и под мостами. «Пеллу» приходилось протаскивать, стоя по пояс в бурлящей пене. За одним перекатом – другой. Мы насчитали их больше семнадцати. К вечеру оказались в приозерской гавани мокрые с ног до головы. Миновали молы, вышли в Ладогу, в перламутр воды, без ветерка до самого горизонта.

Ладога

Берег от Приозерска до устья реки Бурная открылся бесконечными полосами песчаных пляжей. В сумерках подходишь к такому пляжу – только плеск слышен, это накат бьется в песок. На швертботе остановиться можно везде, где нет откровенной отмели. Часть пляжей осушилась недавно – песок сырой – и для стоянок непригодна. В гавани Моторного глубина – до 4 м. Интересно, какова будет судьба гавани после упразднения рыболовецкого совхоза? Сейчас там идет строительство коттеджей, но работ по восстановлению мола не видно, хотя о том, что «вблизи берега мол разрушен и при северных

ветрах в образовавшийся пролом заходит зыбь», можно прочитать в «Ложии Ладожского озера», изданной еще в 1965 г.

Бухт с каменными молами, защищающими суда от капризов озера, на западном берегу – пять, если не считать «ведомственную» за мысом Рогатым, в Сторожевом. Прежде в этих местах редко можно было встретить грибника. Теперь по пляжам тянутся палаточные городки. Сети закинуты перпендикулярами, начнешь «дорожить» – обязательно подцепишь. Песчаный берег кончается у Владимировской бухты. Во Владимировку можно зайти и пополнить запас продуктов, здесь же работает почта.

Дальше начинаются места глухие. За бухтой песок уступает место гальке, лес ближе подходит к воде. Весь путь от Моторного до мыса Черемухин мы прошли за сутки, меняясь на веслах и скользя по ладожскому окоему. По правому борту – молчаливый Конец, по левому – гребенка леса. Сырой берег неприветлив, зато в Черемухинском заливе – долгий пляж и дальше – еще два. Под утро ткнулись носом в песок, поставили палатку. Отсюда рукой подать до реки Бурной с заказником Соснового ГЛОХа и форпостом лесничества на берегу. Устье с севера «обставлено» мелью, фарватер идет мористее, по створам. В самом устье мы насчитали 20 лодок, дорожащих под мотором на малом ходу.

– Двадцать лодок! – обратился я к знакомому леснику. – Как же они тут умещаются?

– Эх, – махнул он рукой, – не поверите – больше сотни бывает!

В этих местах когда-то бродили олени, лоси переплывали реку. Гусей и уток по осени было столько, что неба не видно – сплошными рядами летели

они на юг. Бывало, смотришь с воды, а над головой – птичий ковер!

«И где теперь эти Мазурские топи?»

Луда

Под вечер мы вышли из реки в Тайпаловский залив в надежде дойти до какого-нибудь островка и заночевать. Островки оказались низкими, с валунами. С берега поднялась грозовая туча, а с востока потянул ветер. На Ладоге ветер к ночи – не добрый знак, предвестие шторма. Обычно к заходу солнца ветер стихает. С каждым часом раздувало сильнее. Тайпаловская луда забелела барашками. Мы прошли мыс Резной и уже в полной темноте укрылись в бухте за мысом Далекий. От мыса тянется гранитная дамба. Это инженерное сооружение сохранило не один корабль и не одну человеческую жизнь. Строили ее финны в довоенный период, подгоняя огромные камни друг к другу и заливая швы цементом. Цемент выветрился, обветшал и гранит. Вода, лед, мороз делают свое дело – стена с внутренней стороны в одном месте уже поползла, а ведь, казалось бы, туристские гавани проще восстанавливать, чем строить на пустом месте.

Мы остановили пару дней на низком берегу с ивовым кустарником и небольшим пляжем. Стоять без дела скучно. К тому же, к дамбе ведет грунтовая дорога и, что ни вечер, приезжают рыбаки. И решили мы сниматься. За дамбой, на выходе, волнение оказалось серьезным. Особо беспокоили длинные языки отмелей. Волна на них обрывалась гребнем. Но и вдали от берега открывалась по курсу гряда валунов, по которой молотили волны. Добраться нам предстояло до Авлоги (Влоги). В устье реки – небольшая гавань. Но ветер стал медленно заходить к северу и

Производство лодки «Пелла-Фиорд» началось в 1986 г. На базе этой модели в 1991 г. был налажен выпуск швертботов «Пелла-Фиорд 430» с носовой каютой и ахтерпиком в кормовой банке. Сегодня ЗАО «Пелла-Фиорд», входящее в состав ОАО «ЛСЗ Пелла», выпускает усовершенствованные модели стеклопластиковых лодок – «Пелла-Фиорд 21», «Фиорд 25», «Фиорд 34». Это надежные, многоцелевые лодки, предназначенные для отдыха на воде, для рыбалки или охоты. Выполнены в виде отформованной из стеклопластика двойной оболочки, что позволило увеличить жесткость корпуса и усилить транец. Новые модели оборудованы деревянными банками, рымами, подключинами и упорами для ног. На транце «Пелла-Фиорд 21» (длиной 4,37 м, грузоподъемностью 300 кг) и «Фиорд 34» (длиной 3,45 м, рассчитанной на 225 кг) предусмотрена установка подвесного мотора до 8 л.с. На «Фиорд 25», самой маленькой лодке семейства «Пелла», длиной 2,54 м и грузоподъемностью 175 кг, максимально допустимая мощность мотора – 2 л.с.

поддувать в корму. Поставили стаксель, потом грот и пошли веселее. К темноте, проскочив 4 мили, оказались у Быковца. Берег – сплошная пена – метрах в трехстах от полосы тростника – все белое и грохочет. Куда приставать?

Ночной шторм

«Опасное приключение бывает скучным», – заметил У. Оден, и добавлю от себя – нет ничего скучнее ночного шторма. То, что это был шторм и что он набирал силу, мы поняли не сразу. Третий день Ладога волнами крушила отмельный берег, раскачалась под восточным ветром, и теперь в темноте мы слышали рев прибоя и старались забираться в озеро. Шверт я оставил – лодка с ним шла увереннее. Задача была – продержаться носом к волне до света. Нас все равно несло к югу вместе со всей массой воды.

После полуночи на значительном

расстоянии от берега лодка села на мель. Шверт и перо руля уперлись в песок, рядом – черные валуны. Только снялись, правее – вторая банка.

Южнее Быковца начинал проглядывать красным отсветом Осиновецкий маяк, еле приметный за Морьиным Носом. На него и держали.

Сколько можно бороться со стихией? Пока хватит сил. Если мы не успевали развернуть лодку к волне, нас захлестывало, но «Пелла» в этих непростых условиях показала себя с лучшей стороны. Со временем чувство опасности притупилось, движения стали механическими. Левым веслом упираешься и смотришь через плечо – нет ли гребня поблизости? И снова упираешься веслом. И опять придется оглянуться. Ветер, как дул, так и дует. Волны как шли, так и идут. Три часа проходит, пять, седьмой – ничего не меняется.

На рассвете прямо по курсу начал вырисовываться Морьин Нос, но к тому времени стало ясно – до устья Морьи не дойти. А перед полоской пляжа – то ли причал с «Казанкой», то ли просто «Казанка» стоит, не раскачиваясь. Решили, если пирс частный – извинимся, и повернули к берегу. Лодка неслась по волнам к тростникам, и, пока мы летели, пытались разглядеть, есть там причал или придется выбрасываться? Вместо причала в берег уходила канава метра четыре шириной. Вход обставлен двумя вехами: на одной – красная канистра, на другой – белая. Туда и вписались, проскочив камни. И только прошли вешки – сразу отпустило: вода гладкая, прибой за спиной слышен уже совсем по-иному. Мы руки перебинтовали и повалились спать – скука одолела.

К истоку

Место нашего спасения называлось урочище Гавань. В конце XIX в. здесь соорудили гавань, но она обмелела. После войны попытки строительства возобновились, а потом Гавань оказалась на отшибе – к северу протянулся полигон, дороги заглохли и поросли травой. Осталось лесничество Всеволожского района, а при лесничестве – база. Три года назад новый арендатор прорыл в сторону базы канал. Беда только – проход мелеет. Постояльцы местного «шанхая» держат здесь свои катера и лодки, добираясь до Гавани по лесному проселку от Борисовой Гривы. На воротах посреди леса надпись: «База Гавань. Работает с 7.00–10.00. С 18.00–22.00. Выходной – вторник». Само урочище – рыбное. Ходят по отмелям судак, сиг и хариус, в тростнике – окунь

BlueChart™ compatible

GARMIN

**Надежные
GPS-навигаторы
и картплоттеры**

НАВИКОМ предлагает:

- Средства спутниковой связи и ТВ
- Консультации по оснащению судов
- Картплоттеры, GPS-приемники
- Электронные карты, радары,
- Эхолоты, радиостанции

Тел.: (495) 786-6506
Факс: (495) 116-7511
www.navicom.ru

НАВИКОМ

и щука. В километре на юг протянулся пляж, поросший осокой, с кострищами и стоянками.

Ладога штормила, зарядили дожди. Хуже нет – ждать у моря погоды! После ливня глинистые рытвины проселка залились водой, но машины ходили. Уехали на попутной и мы – через Ириновку, по Дороге жизни до Колтушей. Вернулись к лодке через неделю с трех-сильным подвесным «Magіner» и канистрой бензина. Погрузились – и в путь. Правда, пришлось вернуться, чтобы прокалить свечу, и лишь под вечер вышли в Ладогу, взяв курс на темнеющий Морьин Нос.

Прошли мыс, стали искать место для стоянки. Ориентиром послужила приметная с воды вышка. На берегу оказалась небольшая бухта. Северный мол сложен из валунов, южный – почти разрушен, и волна гуляет, но на песке можно поставить палатку и разложить костер.

Дальше к югу под маяком Осиновецким обустроена гавань. За гранитной кладкой мола стоят сейнеры, яхты и катера. В хорошую погоду отсюда проглядывает берег, плавно уходящий на восток.

Невское устье отгорожено с севера банкой Чайка, но стоит ее пройти, и оказываешься в плесе, заросшим водорослями по обе стороны фарватера до такой степени, что три лошадиные силы начинают наматывать на винт зеленую гриву. Место это облюбовано рыбаками. Северный берег уставлен лодками. В Шереметьевке – подбие яхт-клуба с одиноким кэт-ботом. Легкая круговерть неевского течения начинается уже за Орешком, там, где

ладожский плес превращается в реку, текущую на запад.

Кустью

Стоит отрешиться от повседневного восприятия Невы, одетой в гранит набережных и увидеть настоящую Неву, неспешно катящую свои воды в Финский залив! В будущем здесь будет край особняков. Размах строительства на высоком карельском берегу ошеломляет. Движение на реке спокойно. Изредка пройдет моторка с водным лыжником, да просвистит аквабайк. Тянутся баржи, но не караваном, а по отдельности. Вечерами проходят теплоходы на Валаам и Кижы. Заночевали у Невской Дубровки, лодку пришлось вынимать на песок – уж больно сильную волну разгоняют «туристы». Здесь, в десяти метрах от пляжа, берег усеян воронками и окопами, пробитыми касками и ржавым железом.

Весь следующий день мы спускались по Неве под мотором, но у Невского лесопарка кончился бензин, и дальше пошли на веслах. Что может быть особенного в индустриальном пейзаже заводских окраин? Но город в вечернем солнце – необычайно красив. Новостройки Рыбацкого, с пологими по берегу газонами, обращены к игрушечным особнякам Новосаратовки. Фарватер широк, приходится прижиматься к берегу – от поселка Красная Звезда несутся «Ракеты», навстречу идут теплоходы. За вантовым Большим Обуховским мостом на правом берегу – причалы Речного вокзала. Мы взяли левее. Так и шли от Володарского моста до моста Александра Невского. В сумерках по мелководью у гранитных спусков бродят бомжи, выуживая скинутые загодя

крышки уличных люков, вся набережная Обуховской Обороны – в кострах, одинокие прохожие сидят с банками пива у самой воды, влюбленные целуются на каменных ступенях. Там и здесь – рыбаки с закинутыми донками, а на другом берегу Октябрьская набережная ревет и грохочет грузовиками, кранами, разгрузкой барж со щебенкой.

У моста Петра Великого течение заметно слабеет. Нева плавно, по дуге обтекает Смольный и за Литейным мостом раскрывается в дельту. Мы прошли в правый пролет Литейного и свернули в Большую Невку – под низководчатый (4.60 м) Сампсониевский мост. На Невке все мосты низкие, и, проплывая под ними, вспоминаешь стойкого оловянного солдатика, особенно если заметил крысиную тень. К вечеру зажгли керосиновую лампу на корме, и от этого сказочное ощущение усилилось.

Малая Невка за разноцветной телебашней – и вовсе сонная река. От причалов Лопухинского сада вылетают потревоженные утки, плещется спасательный круг. Мы прошли вдоль Каменного острова, свернули в Крестовку. Берега в ивах, в оградах и мирно спящей охране, даже собаки не лают, только поскрипывают уключины и весла мерно опускаются в воду. С каждым взмахом весла чувствуешь, как медленно возвращаешься домой, может, и не бог весть из каких мест, но все же издалека.

Под утро мы промерзли и устали. Развернули лодку к бону. Оставалось подняться на борт знакомой яхты и, взглянув на легкий сентябрьский свет над заливом, подумать: «Ну и ну, вот мы и дома – и месяца не прошло!»

